Любимые герои

Майлен Константиновский

КОАПП!

Спасите наши уши!

Стрекоза-Пресс

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Художник **В. Впасов**

-
- Краткая историческая справка
- Спасите наши уши!

Майлен Константиновский

КОАПП!

Спасите наши уши!

КОАПП
Или Репортажи о событиях,
совершенно невероятных
с точки зрения
так называемого здравого смысла
и тем не менее
имевших место в прошлом
и происходящих по сей день,
о чем убедительно свидетельствуют
секретные протоколы
закрытых заседаний КОАППа,
тайно переданные
птицей-Секретарем
за некоторую мзду
самозваному летописцу
этой организации

Краткая историческая справка

для тех, кто не знает, что такое КОАПП, так как никогда не слышал репортажей с его заседаний ни по радио, ни в грамзаписи, не видел серии мультфильмов «КОАПП» и не читал одноименных книг, а также многочисленных откликов на все вышеупомянутое в отечественной и зарубежной печати.

Однажды в адрес КОАППа пришло письмо, весьма озадачившее коапповцев. Семилетняя жительница далекого удмуртского села Алнаши Риточка Филимонова поделилась в нем своими сомнениями. *«Я знаю, что все вы обыкновенные животные,* — писала она, — *но что вы разговариваете человеческим голосом, не верю».*

Ребенку простительно, но и среди взрослых, представьте себе, до сих пор изредка встречаются скептики, которые считают существование КОАППа невероятным!

Так вот, ни для кого давно уже не секрет, что создание КОАППа — это ответ на появление у людей новой науки — бионики. Кстати, это одна из немногих наук, время и место рождения которой можно назвать абсолютно точно: 13 сентября 1960 года, город Дэйтон (штат Огайо, США). В этот день там открылось международное совещание под девизом: «Живые организмы — ключ к новой технике!».

Сами живые организмы, поглощенные повседневными житейскими делами и заботами, поначалу не обратили на это событие ни малейшего внимания. К счастью, нет правил без исключения, и таким счастливым исключением стал Кашалот. Среди всеобщей беспечности он один проявил бдительность, достойную восхищения и подражания!

Не терпящий поверхностного отношения к делу, привыкший глубоко разбираться в любом вопросе (например, для глубокого изучения кальмарксизма, то есть науки о кальмарах, Кашалот погружается на глубину до двух километров), он сразу почувствовал в новой науке скрытую угрозу. «Это требует действий!» — сказал Кашалот самому себе.

После столь решительного высказывания КОАПП уже просто не мог не появиться. Время и место его рождения можно назвать не менее точно, чем время и место рождения бионики: это свершилось 5 июля 1964 года на Большой Поляне (берег Лесного Озера), переименованной в дальнейшем в Большую Коапповскую

Поляну.

У запечатленного в анналах истории грандиозного действа, на котором возник КОАПП, — Чрезвычайного Всепланетного Съезда Животных Представителей — был и свой девиз: «Спасите наши уши!».

Что он означает, какого рода опасность узрел Кашалот в бионике, как расшифровывается сокращение «КОАПП», чем занимается эта организация — вы узнаете, прочитав первое же коапповское повествование. И тогда даже у самого закоренелого Фомы неверующего отпадут последние сомнения в реальности КОАППа.

Спасите наши уши!

На рассвете 5 июля 1964 года лесную поляну, ничем доселе не примечательную, если не считать ее огромных размеров, начали вдруг заполнять самые разнообразные животные. Они выходили, выбегали, выпрыгивали и выползали из леса, спускались с неба, выбирались из воды на берег прилегающего к поляне озера и впадающей в него речки. Среди животных было немало и океанских жителей, пробравшихся сюда через протоку, соединяющую озеро с морем. За тысячи, а может, и миллионы лет своего существования поляна никогда еще не подвергалась такому массовому нашествию!

С первого же взгляда было ясно, что неожиданные гости в подавляющем большинстве не принадлежат к местным животным. Невиданные в здешних краях звери, птицы, пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, моллюски, ракообразные, насекомые, пауки, иглокожие, губки, и прочие, и прочие, заполонившие всю поляну, явно прибыли с других континентов, с далеких островов, из дальних морей и океанов.

Что привело их сюда в этот ранний час? Судя по недоуменным взглядам и взаимным расспросам, которые сопровождались выразительной жестикуляцией лапами, ластами, крыльями, плавниками, хвостами и даже усами, они и сами пребывали в полнейшем неведении. Впрочем, один из прибывших мог бы ответить на этот вопрос вполне исчерпывающе. Надо ли уточнять, что это был Кашалот. Он явился на поляну раньше всех и восседал теперь с непроницаемой физиономией за громадным, прямо-таки неохватным пнем.

За соседним пнем, поменьше и пониже, обосновалась Мартышка. На пне была укреплена табличка:

РЕГИСТРАЦИЯ ДЕЛЕГАТОВ ПЕРВОГО ВСЕПЛАНЕТНОГО СЪЕЗДА ЖИВОТНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Каждый из вновь прибывших, подойдя к Мартышке, называл себя, и она тут же записывала его имя в журнал, соответствующий классовой принадлежности представителя: «Класс млекопитающих», «Класс насекомых», «Класс головоногих моллюсков» и так далее. Очередь к регистрационному пню была колоссальная, но двигалась быстро, поскольку Мартышка заполняла журналы регистрации всеми четырьмя руками одновременно. Она делала бы это еще быстрее, если бы ее не отвлекали разговорами.

Разговоры крутились вокруг одной-единственной темы: всех интересовало, зачем их пригласили участвовать в каком-то

съезде, что это за съезд и в связи с чем созван.

Но Мартышке было известно не больше, чем остальным. Она сама умирала от любопытства. Кашалот, попросив ее взять на себя регистрацию делегатов (а отказать ему она конечно же не могла), не стал ничего объяснять. «Узнаете в свое время», — сказал он. Единственной дошедшей до Мартышки информацией был довольно-таки нелепый слух, будто Съезд созывается из-за того, что кто-то что-то у кого-то украл.

«Чушь несусветная! — подумала она. — Если в наше время по поводу каждой кражи созывать съезды...» Так что на все расспросы ей ничего другого не оставалось, как только молча пожимать плечами.

Регистрация делегатов подходила к концу, когда на поляну влетел запыхавшийся Воробей. Взоры стоявших в очереди с надеждой обратились к нему — ведь вездесущий Воробей, по всеобщему убеждению, должен знать всё и обо всех. Так оно и оказалось. И не его вина, что городской сленг, на котором он изъяснялся (а это был Домовый Воробей, живший в городе), обитателям лесов, морей, гор, пустынь, полей, болот и рек, собравшимся на поляне, был не совсем понятен. На вопрос, не знает ли Воробей, зачем их собрали, он выпалил:

— Конечно, знаю: у Медузы свистнули ухо.

— Медузе свистнули в ухо? — переспросил, недослышав, Рак. — Ну и что?

Но Воробей уже упорхнул на другой конец поляны.

— Ничего не понимаю, — проворчал Рак. — Мы-то какое отношение имеем к... — но на него зашикали, потому что в этот момент Кашалот взял в ласт колокольчик.

Этот колокольчик, возвестивший начало исторического Съезда, бережно хранится в Коапповском музее как драгоценная реликвия. Ныне КОАПП оборудован по предпоследнему слову оргтехники (последнего слова никто еще не сказал). Что там сигнал, оповещающий о начале заседания, — даже голоса теперь подсчитывает суперновейшая бионическая система, которая строго следит, чтобы каждый голосовал только за себя!

Но вернемся к памятному дню 5 июля 1964 года. Итак, зазвенел колокольчик, и все присутствующие обернулись к огромному пню, над которым величественно возвышался Кашалот. На его физиономии появилось выражение мрачной решимости, и он без лишних предисловий обратился к притихшей аудитории, громогласно объявив:

— Я собрал вас в связи с чрезвычайным происшествием: у всеми нами уважаемой Медузы украли ухо!

Сказать, что это сообщение произвело эффект разорвавшейся

бомбы, было бы сильным

преувеличением. Раздался, правда, чей-то возглас: «Какой ужас!», но этим реакция собравшихся и ограничилась, если не считать реплики Рака:

— А мы-то здесь при чем? Надо уведомить кого следует, и дело с концом. Кражей пусть занимаются правоохранительные органы.

Кашалота такое прохладное отношение к его драматическому известию не обескуражило. Инициатор Съезда отлично понимал, что далеко не все столь же прозорливы, как он, и был готов к тому, что делегаты в должной степени не оценят значения факта, который он им сообщил. Поэтому Кашалот стал терпеливо разъяснять:

— Друзья мои, вы просто не осознаёте серьезности ситуации! Дело в том, что кража уха у Медузы — не обычное хищение. Это вопиющее нарушение патентного права!

Никто из присутствовавших о таком праве слыхом не слыхивал, поэтому разъяснение Кашалота также не произвело на них впечатления. Лишь глубоководная рыба Удильщик поинтересовалась, да и то скорее из вежливости:

— А что это такое? Извините, но у нас, в глубинке...

— Я знаю положение с информацией в глубинке, — перебил Кашалот. — Не надо оправдываться, я охотно объясню: патентное право — это Закон, который охраняет права изобретателей и защищает их приоритет, то есть первенство в изобретении чего-либо.

— Это кто изобретатель, уж не Медуза ли? Кусок студня, а туда же...

Насмешливое замечание принадлежало Каракатице. Впрочем, в нем было больше кокетства, чем насмешки, и произнесла она его с единственной целью — привлечь к себе внимание.

Каракатице было ужасно обидно: эта десятирукая модница который уже раз меняла расцветку своей кожи, демонстрируя все оттенки красного, желтого, коричневого, фиолетового, голубого, серебристого цветов, даже придавая своему нарядному одеянию металлический блеск — и хоть бы кто-нибудь глянул в ее сторону! Но тут все разом обернулись и уставились на нее.

Однако Кашалот, не подозревавший о тайных мотивах высказывания Каракатицы, воспринял ее слова как личный выпад. Он так его и назвал:

— Я считаю этот выпад недостойным животного! Никто из нас не вправе высокомерно относиться к более просто устроенным собратьям. Даже люди вынуждены были признать, что простейшая живая клетка неизмеримо сложнее всего, что создано человеческими руками!

Это заявление было встречено одобрительными возгласами. Воодушевленный ими, оратор продолжал с еще большим пафосом:

— Вы спрашиваете, кто изобретатель. Да, это не Медуза, — но и не вы, и даже не я, и вообще никто из животных, здесь присутствующих и отсутствующих. Величайший в истории изобретатель — сама Природа, которая всех нас создала!

Надо сказать, что Кашалот обожает произносить речи. В какой-то мере эта маленькая и вполне простительная слабость объясняется природной склонностью — ведь из всех обитателей океана киты, особенно зубатые, пожалуй, самые говорливые. Но наш герой в этом отношении превосходит даже своих сородичей. В тот знаменательный день он наконец-то мог утолить свою страсть к красноречию и, естественно, воспользовался столь редкой возможностью.

— Она, одна лишь она, Природа, — гремел над поляной его голос, — с помощью Эволюции за каких-нибудь два или три миллиарда лет терпеливо перепробовала множество вариантов всего живого. Неисчислимые поколения наших предков отдали свои жизни во имя того, чтобы мы с вами достигли нынешнего совершенства, которым Человек справедливо восхищается...

Судя по веселому оживлению, слушателям сказанное очень понравилось. Неудивительно: кому не приятно, когда им восхищаются! Все приосанились и стали с гордостью оглядывать себя и друг друга.

Выдержав эффектную паузу, Кашалот выкрикнул, перекрывая шум:

— ...Но которому он и завидует!

Веселый шум сменился настороженным молчанием. Никто не знал, как реагировать на такой неожиданный поворот. Напряжение несколько разрядила Мартышка, заявившая с вызовом:

— Подумаешь! Я бы тоже могла превратиться в Человека. Мне предлагали, но я не захотела. Ведь для этого пришлось бы расстаться с хвостом, а что это за жизнь — без хвоста?!

— Без хвоста, Мартышка? — переспросил Кашалот и воскликнул с трагическими переливами в голосе: — Как бы всем нам не остаться без головы!

Наступила мертвая тишина. И в ней особенно зловеще прозвучали слова Гепарда:

— Снявши голову, по хвостам не плачут.

— Вот именно! — подхватил Кашалот. — Друзья, вероятно, не все из вас знают Человека, однако можете поверить мне на слово: это самый молодой член нашей семьи и, надо отдать ему должное, самый одаренный. Но, к сожалению, он давно уже отделился и отдалился от нас, поставил себя *над* нами. И вот, пока мы благодушествовали и смотрели на его проделки сквозь ласты...

— Сквозь плавники! — дополнил Удильщик, и его примеру последовали другие, выкрикивая:

— Сквозь крылья!

— Сквозь клешни!

— Сквозь щупальца!

— Сквозь копыта!

— Сквозь пальцы!

— Пока, повторяю, мы смотрели сквозь все перечисленное, произошел случай, который должен был бы всех нас насторожить. Тюлень, встаньте и доложите высокому собранию, что там вышло с вашим ухом.

Последние слова Кашалота повергли делегатов в недоумение, а Рак пробурчал:

— Как, еще одно ухо? У кого наконец украли ухо — у Медузы или у Тюленя?

— У обоих, — был ответ. — И не только у них: люди бесцеремонно присвоили себе уже немало изобретений Природы. Но кража уха у Медузы — это последняя капля, переполнившая чашу нашего терпения. А первой каплей был случай с ухом Тюленя. Об этом зловещем событии должны знать все! Говорите, Тюлень.

Разлегшийся на берегу озера Тюлень почесал ластом голову и нехотя приподнялся.

— Да чего тут говорить-то, — пробормотал он. — Нашего брата всяк норовит облапошить. Подплывет, к примеру, Белый

Медведь втихаря к самому краю льдины и лапой ка-ак...

— Я вас о чем просил рассказать? — сердито перебил его Кашалот. — О том, как люди похитили у вас конструкцию уха, а не о ваших запутанных отношениях с Белым Медведем!

— Люди, значит. Насчет уха... — Тюлень задумался, затем встрепенулся: — Точно, было дело! Лежу это я себе на бережку, никого не трогаю... Как вдруг подходит Человек и наклоняется над самым что ни на есть над моим ухом. И стал он в нем чегой-то высматривать и вымеривать. А всё, что высмотрел и вымерил, записывать в такую ма-ахонькую книжечку...

Рассказ был неожиданно прерван озорной частушкой, которую спела сидевшая на суку и до этой минуты молчавшая Сова:

У такой ленивой туши Можно красть не только уши! Спать Тюлеша любит страсть — Грех всю тушу не украсть!

Тюлень в этот момент был настолько погружен в свои мысли, что никак не прореагировал на частушку.

— Эх, не сообразил я тогда, — произнес он наконец с досадой. — Надо было с него, с Человека то есть, рыбки за это взять. А мне-то и невдомек! Я, Тюлень, животное неприметное, образования, само собой, никакого...

— Тюлень, говорите по существу, — прервал его Кашалот.

— По существу, значит, так: ежели бы я тогда сообразил за каждое ухо по сотне рыбок взять, за два уха сколько бы получилось?

Кашалот был возмущен до глубины души.

— В этот роковой час думать о своем желудке? Тюлень, лишаю вас слова! Я закончу за него. Незадолго до происшествия, о котором поведал этот жалкий обыватель, равнодушный не только к судьбе своих сограждан, но и к своей собственной, люди сделали гидрофон...

— А что это такое? — Удильщик даже изогнул удочку в форме вопросительного знака. — Видите ли, у нас, в глубинке...

— Опять вы оправдываетесь! — Кашалот недовольно

поморщился. — Я же вам сказал, что положение в глубинке мне хорошо известно: я ныряю туда постоянно, в иные дни по многу раз. Необходимые разъяснения даст... — Он оглядел собравшихся и остановил взгляд на небольшой рыбке с желтой спинкой и розоватым брюшком. — ...Даст эксперт по гидрофонам Морской Карась.

— Черноморский Морской Карась, — уточнил эксперт, — он же Ласкирь, он же, если угодно, Диплодус аннуларис. — Черноморский Морской Карась откашлялся и лекторским тоном, слегка картавя, доложил: — Гидрофон — это подводный микрофон, или, говоря доступно, искусственное подводное ухо. Между прочим, именно с помощью гидрофона люди убедились, что напрасно считали нас, обитателей морей, озер и рек, немыми. В связи с этим устоявшимся заблуждением у людей еще в доисторические времена появилась, мягко говоря, недостоверная, а говоря жестко, лживая и клеветническая поговорка «Нем как рыба». Но когда искусственное подводное ухо было установлено под днищем корабля, обнаружилось, что во время его хода шум водяных струй заглушал все другие подводные звуки, в том числе и те, что издаем мы, морские караси. Например, вот это мелодичное кряканье... — Черноморский Морской Карась несколько раз крякнул. — Или звуки, имитирующие скрежет напильника... — Он издал скрежет. — Далее: звуки, напоминающие удары по металлу...

Эксперт так увлекся демонстрацией богатой звуковой палитры морских карасей, что забыл о дели своего выступления, и Кашалот вежливо попросил не отвлекаться.

— Да-да, разумеется, — спохватился Черноморский Морской Карась. — Я продолжаю. Итак, обнаружив, что шум водяных струй заглушает все другие подводные звуки, специалисты по гидрофонам спросили себя: почему же этот шум не мешает слышать Тюленю, когда он движется под водой? Подробно изучив устройство тюленьего уха, они обнаружили ушной обтекатель — вот этот, смотрите...

Делегаты Съезда сгрудились вокруг Тюленя и стали рассматривать то место на его голове, куда указал Черноморский Морской Карась. Тюлень, польщенный всеобщим вниманием, с важностью изрек:

— Без обтюкателя в нашем деле никак невозможно.

— Так какого же морского дьявола вы позволили людям скопировать его конструкцию? — возмутился Удильщик.

Рак тут же предложил лишить Тюленя мандата, а Мартышка — провести кампанию борьбы за повышение бдительности под лозунгом: «Тюлень — находка для шпиона». Все с энтузиазмом поддержали обе инициативы. Так ничего и не поняв, бедняга-делегат от отряда ластоногих понуро поплыл к протоке, соединяющей озеро с морем. Его провожали упреками, обвинениями во всех смертных грехах и даже проклятиями.

От прежней инертности делегатов не осталось и следа, и Кашалот счел момент подходящим для следующего шага в осуществлении своих далеко идущих планов.

— Итак, — возвестил он, как бы подводя итог первому акту

трагедии, — теперь вы знаете, когда и при каких обстоятельствах люди впервые воспользовались конструкцией, подсмотренной у создания Природы, не в результате случайных наблюдений, как раньше, а преднамеренно, с заранее поставленной целью. Настоящая же, воистину грозная опасность нависла над нами в тот момент, когда Человек стал обдуманно, методически и в больших масштабах сравнивать живые организмы со своими приборами и машинами. Сравнение оказалось отнюдь не в пользу приборов и машин...

Тут голос Кашалота приобрел настолько зловещую интонацию, что у слушателей по коже поползли мурашки. Слова звучали как приговор:

— И вот, убедившись в своем отставании, Человек создал бионику!

— А что это такое? — спросил Удильщик. — Понимаете, у нас, в глубинке...

— Вы меня доконаете со своей глубинкой! — взревел Кашалот. — При чем тут глубинка, когда и на поверхности об этой науке пока мало кому известно? Я бы даже сказал, что это, строго говоря, не наука, а направление мыслей, причем явно с криминальным оттенком! Ибо задача бионики — раскрыть все, абсолютно все наши технические секреты и похитить их!

Вздох ужаса пронесся над поляной, а Кашалот продолжал нагнетать еще больший ужас:

— Девиз бионики: «Живые организмы — ключ к новой технике!». Это мы-то с вами — ключ!

— Действительно, разве я похожа на ключ? — удивилась Стрекоза. Она кокетливо оглядела себя и даже пролетела над озером, чтобы посмотреть на свое отражение в воде, — и вдруг пропела:

Ах, этот ключ, ключ к сердцу Откроет вашу дверцу...

— Помолчите, Стрекоза! — Кашалот всем своим видом ясно давал понять, что не потерпит легкомысленных песенок в столь драматический момент. — Всякий, у кого есть сердце, должен не дурацкие куплетики распевать, а содрогнуться при виде разверзающейся пред ним бездны! Ведь некоторые из нас уже стали жертвами планомерного, поставленного на широкую ногу грабежа технических идей! Яркий тому пример — история с ухом Медузы. Дорогая Медуза, расскажите Съезду об этом преступлении.

Медуза хотела было выбраться на берег, но Кашалот остановил ее жестом, великодушно разрешив оставаться в воде. Поблагодарив его кивком колокола, она начала:

— Тяжело говорить, но и молчать не могу. Жизнь свою

провела я скромно, обхожусь малым — зонтик да бахрома. Простая я, прозрачная, вся перед вами как стеклышко. Но нашелся недруг злой, попользовался моей прозрачностью... Есть у меня гордость одна-единственная — от прапрапрапрапра... уж и не знаю сколько раз прабабушки, досталась. Свято берегла я ее, драгоценность мою несказанную — мое ухо. Скрывать мне нечего. Вот, глядите: сосуд круглый под зонтиком моим на стебельке висит, а в сосуде камушки. Разглядели?

— Что-то на ухо не очень похоже, — пробормотал Рак, осматривая этот медузий орган со всех сторон.

— Как же не ухо? — Медуза даже разволновалась. — Я ведь им слышу! Если буря где поднимется, я голос ее задолго улавливаю — часов за пятнадцать до того, как сама она объявится: сосуд звучать начинает, гудеть, камешки колышутся и на нервные клетки давят. И тотчас я подальше от берега отплываю, чтоб волной меня о камни не разбило. А Человек голоса бури не слышит, узнает он о ней по барометру, часа за два. Узнавать-то узнает, а приготовиться к встрече незваной гостьи не успевает. Вот и подглядел он, какое у меня ухо, и сделал похожее. Нехорошо это, не по чести.

— Вы слышали?! — воскликнул Кашалот тоном, каким некогда знаменитый римский оратор Цицерон обличал заговорщика Каталину. — Такая же участь ждет каждого из нас! — И он рубанул наотмашь ластом, как бы наглядно показывая, какая ужасная участь ждет всех.

Среди воцарившейся могильной тишины вдруг особенно громко и вызывающе прозвучал жизнерадостный смех.

— Кто смеялся? — грозно вопросил Кашалот.

Ответом был новый хохот, очень выразительный и, как ни странно для гнетущей атмосферы обреченности, воцарившейся на поляне, — заразительный. Кое-кто даже начал подхихикивать.

На Кашалота страшно было смотреть.

— Я еще раз спрашиваю, — возопил он в ярости, — кто посмел смеяться в эту трагическую минуту?!

Первой весельчака обнаружила глазастая Стрекоза.

— Это вон та птица смеется, — сообщила она.

Все посмотрели в указанном ею направлении и увидели расположившуюся на ветке довольно крупную птицу с бурым оперением и длинным прямым клювом.

— Наверное, у нее истерический смех, — предположила Мартышка. — На нервной почве, от страха перед бионикой.

— А может, она просто хулиганка? — выдвинул свою версию Рак.

Конец спорам положила Сова:

— Окстись, Рак, какая же она хулиганка? Я про эту птицу наслышана. Кулики наши,

что в Австралии зимуют, про нее сказывали: Зимородок это тамошний, прозывается Кукабаррой, а ученые люди Смеющимся Зимородком его зовут, потому как утром, в полдень и вечером его разбирает смех. А сейчас аккурат утро.

— Да, утро, — подтвердил Кашалот. — И что же тут смешного?

— Кто ж его знает! — Сова развела крыльями. — Только сказывают, будто не может он иначе: каждый божий день в положенное время Кукабарра смеяться должон — хошь часы проверяй.

— Граждане, проверьте ваши биологические часы! — объявила Мартышка голосом радиодиктора. — Третий смешок дается ровно в двенадцать часов по австралийскому времени.

Кашалот, однако, счел шутку Мартышки неуместной, равно как и демонстрацию Кукабаррой точности своих биологических часов в столь ответственный момент, когда решается судьба...

Договорить он не успел: снова раздался смех Кукабарры, и на этот раз его подхватили почти все делегаты, находившиеся на поляне.

Повальный хохот объяснялся, очевидно, тем, что нервное напряжение, в каком они пребывали последние полтора часа, требовало разрядки. Напрасно Кашалот, делая титанические усилия, чтобы преодолеть желание рассмеяться самому, уговаривал, требовал, просил, умолял прекратить смех, напрасно взывал к гражданской совести и прочим добродетелям — хохот продолжался. Кончилось тем, что взывавший захохотал громче всех и продолжал хохотать, не в силах остановиться, даже когда общий смех прекратился.

— Хорошо смеется тот, кто смеется последним! — не

преминул заметить по этому поводу Гепард.

— Вы... вы пра... ха-ха-ха... правы, Гепард! — сквозь смех подтвердил эту истину Кашалот, и все обратили внимание, каким бодрым и решительным тоном он заговорил: — Да, смеяться последними будем мы, если не станем покорно ждать, пока Человек похитит один за другим все наши патенты и хау-ноу!

— Ноу-хау, — поправил его Гепард.

— Тем более. Надо действовать, и действовать решительно!

— Какой резкий поворот от отчаяния к надежде! — Удильщик не скрывал радости.

— Вот что может сделать здоровый жизнерадостный смех! — воскликнула Мартышка.

— Конечно, смех может сделать все, — согласилась Стрекоза. — Ну а мы — что можем сделать мы против Человека?

— Что можем сделать мы? — переспросил Кашалот и победоносно оглядел аудиторию. — Прежде всего, не поддаваться панике! Еще не всё потеряно. Бионика совсем молодая наука, можно даже сказать, она еще в младенческом возрасте, и Человек успел раскрыть и использовать лишь ничтожную долю наших технических секретов. Необходимо немедленно объединиться и создать организацию, которая защитит приоритет нашей великой матери Природы — ведь мы ее полномочные представители, не так ли?

Все с полным единодушием заверили, что это именно так.

— Я уже всё продумал, — продолжал Кашалот. — Мы назовем нашу организацию *Комитетом Охраны Авторских Прав Природы!*

Едва он это сказал, как раздался крик, ставший вскоре известным во всех уголках нашей планеты: «КОАПП! КОАПП!». Его издала высокая стройная птица на длинных, как у Журавля, ногах. Ее белое оперение оттеняли лишь черные «штаны», черные маховые перья и особенно эффектно — пучок черных перьев на голове. Они торчали наподобие писчих перьев, какие в старину закладывали за ухо писари. Желтые ободки вокруг глаз, напоминавшие очки, придавали птице ученый вид.

— «КОАПП»... — повторила Мартышка, вслушиваясь в необычное созвучие. — Да это же сокращенное название организации, которую вы предлагаете создать, дорогой Кашалот! Здорово звучит, правда? Молодец птица-Секретарь!

— Вы ее знаете?

— Конечно! Она ведь наша с Гепардом соседка по Африке.

— Хм... — Кашалот разглядывал птицу-Секретаря с нескрываемым интересом. — Как раз секретарь необходим нашей организации в первую очередь. Должен же кто-то вести переписку и прочее делопроизводство, отвечать на звонки...

— Отваживать назойливых просителей, — подсказала Стрекоза.

— И это тоже. Но главное — кто, если не секретарь, займется различной канцелярщиной: всякими там входящими, исходящими, приходящими, отходящими...

— Отходящими обычно занимаются другие организации, — заметил Гепард.

— Тем более. Уважаемая птица-Секретарь, не согласились бы вы занять эту должность? Не скрою, она весьма нелегкая, но в то же время чрезвычайно важная и нужная.

Ответом был все тот же крик: «КОАПП!».

— По-моему, истолковать это иначе, как согласие, невозможно, — убежденно сказал Удильщик.

— Вот и прекрасно. Ваше рабочее место, — обратился Кашалот к птице-Секретарю, — будет вон за тем пнем, — и он указал на пень, за которым Мартышка регистрировала делегатов Съезда. — Завтра же установим на нем телефон. Не могли бы вы приступить к своим секретарским обязанностям немедленно?

Птица-Секретарь кивнула, крикнула еще раз «КОАПП!» и походкой, исполненной достоинства, проследовала к указанному пню. Тут только все поняли, какое сокровище обрела в ее лице создаваемая организация! Стало очевидным, что, если не считать криков «КОАПП!», птица-Секретарь не способна произнести ни единого членораздельного звука, превзойдя в этом отношении всех других секретарей на свете.

А крики «КОАПП!» каждый волен истолковывать по-своему. Колоссальное преимущество!

Надо сказать, что в дальнейшем эти крики стали восприниматься широкой общественностью не только как аббревиатура (сложносокращенное слово), под которой подразумевается Комитет Охраны Авторских Прав Природы, но и как своего рода позывные этого учреждения...

Итак, секретарь у КОАППа уже был, и теперь всех интересовало, кто же еще войдет в его состав и, главное, кто его возглавит. Ждать соответствующих сведений пришлось недолго.

— Не будем терять времени, дорога каждая секунда! — объявил Кашалот. — Друзья! Пост председателя КОАППа, этот самый высокий и почетный, но в то же время самый ответственный и многотрудный пост в мире...

— Ну, ну, кому вы его доверили? — Мартышка от нетерпения даже подпрыгнула.

— Что значит «вы доверили»? — возмутился Кашалот. — Да будет вам известно, Мартышка, что подобный пост можно занять исключительно в результате свободных демократических выборов!

— Естественно! — поддержал его Гепард. — Иначе эту акцию не посчитают легитимной, то есть законной, и лицо, занявшее данный пост, так сказать, явочным порядком, не будет признано мировым сообществом животных. Мало того, его заклеймят как узурпатора!

— Так давайте срочно проведем такие выборы, — предложил Удильщик. — У нас, в глубинке...

— Не знаю, как у вас, в глубинке, — прервал его Кашалот, — а вот у нас, на поверхности, они уже состоялись: на пост председателя КОАППа я совершенно свободно и демократично выбрал... — Он немного помедлил и торжественно объявил: — Себя!

Сообщение о результатах выборов было встречено единодушным одобрением и всеобщим ликованием.

— Какое мудрое решение! — восторженно воскликнула Стрекоза. — Ведь у того, кто занимает этот пост, должно быть большое сердце, а я предполагаю... нет, я просто убеждена, милый председатель, что у вас самое большое сердце в мире! Сколько оно весит, если не секрет?

— От вас, моих собратьев и сосестер во Природе, у меня секретов нет и быть не может! — напыщенно изрек Кашалот. — Мое сердце весит полтонны.

Гепард по этому поводу заметил, что, следовательно, новую организацию возглавляет самый сердечный руководитель на

свете.

— Но не менее важное качество руководителя, — подхватил Удильщик, — высокий лысый лоб, а где еще вы видели такой прекрасный лоб, лоб мыслителя, высотой больше трех метров!

Со всех сторон стали раздаваться здравицы: «Ура Кашалоту!», «Слава председателю КОАППа!».

Однако адресат всех этих славословий остановил дальнейшие излияния повелительным и в то же время исполненным скромности жестом, желая поскорее ознакомить высокое собрание с составом возглавляемого им учреждения:

— Не менее тщательно и демократично я выбирал и остальные кандидатуры. Слушайте внимательно! В итоге тайного от всех голосования действительными членами КОАППа становятся Сова, Гепард, Рак и Стрекоза. Специальные корреспонденты КОАППа: на суше — Мартышка, в морях и океанах — Удильщик. Они будут держать нас в курсе всех событий, происходящих на нашей планете.

Делегаты наперебой поздравляли счастливчиков, избранных в состав столь престижного органа с выдающимся, хотя и непредсказуемым будущим. Те растерянно улыбались: для них всё происшедшее было полнейшей неожиданностью. Стрекозу почему-то больше всего обрадовало назначение Удильщика:

— С такой длинной удочкой и такой зубастой пастью он сможет выудить для нас любую информацию!

— Вне всякого сомнения, — подтвердил Кашалот и, порывшись в большом дупле у основания председательского пня, извлек оттуда какие-то бумаги. — Друзья! — обратился он к делегатам. — Чтобы вы смогли убедиться, что вышепоименованные кандидатуры отбирались мною не с кондачка и что выбраны достойнейшие, я зачитаю вам сейчас характеристики с места охоты на каждого из действительных

членов и членов-корреспондентов КОАППа...

— Как говорится, для каждого листика нужна характеристика, — ввернул Гепард.

— Совершенно справедливо. Кстати, как раз вашу я зачитаю первой.

И вот что услышали обратившиеся в слух делегаты:

— *«Гепард: инициативен, общителен, вдумчиво работает над собой, на крыльях имеются птеростигмы».*

Дочитав до этого места, несколько обескураженный Кашалот стал разглядывать Гепарда так, словно впервые его увидел, после чего растерянно произнес:

— Хм... странно. Гепард, разве у вас есть крылья?

— Увы, дорогой председатель, чего нет, того нет. Впрочем, я не теряю надежды, что они когда-нибудь вырастут. Однако хотелось бы знать, что же представляют собой эти самые птеростигмы, которые расположены на моих несуществующих крыльях.

— У меня, у меня есть птеростигмы! — встрепенулась Стрекоза и в доказательство стала показывать всем и каждому утолщения на концах своих крыльев. — Если бы не птеростигмы, мои крылья давно бы сломались при полете. Люди теперь тоже делают утолщения на концах самолетных крыльев и... — Внезапно она осеклась, испугавшись, что ее могут заподозрить в сотрудничестве с авиаконструкторами, и поспешно добавила: — Только они сами до этого додумались, я им не подсказывала, честное слово...

— Подождите, Стрекоза, — остановил ее Кашалот. — В вашей характеристике об этих, как их... пте... птеростигмах даже не упомянуто. — Он взял другую бумагу. — Тут сказано: *«Инициативна, общительна, вдумчиво работает над собой, одна из первых освоила передовой метод ловли рыбы — на свет».*

— Позвольте, позвольте! — вмешался Удильщик. — При чем здесь Стрекоза? Это я ловлю рыбу на свет — вот, пожалуйста, можете убедиться!.. — И он продемонстрировал свой фонарик на конце удочки, представляющий собой пузырек со светящимися бактериями, пояснив: — Во время рыбной ловли я держу его перед раскрытой пастью. Рыбка плывет на свет и...

— Понятно, — сказал Гепард. — Таковы особенности вашей национальной рыбалки.

— Не только нашей, — сказал Удильщик. — На свет у нас, в глубинке, ловят многие, притом, заметьте, не подрывая, в отличие от людей, поголовья промысловых рыб. Между прочим, однажды я поймал этим способом во-от такую рыбищу! — Член-корреспондент КОАППа раскинул, насколько смог, плавники, однако счел, что это не дает представления о грандиозности его рыбацкого трофея, и прибег к сравнению: — Хотите верьте, хотите нет,

но она была почти с вас, дорогой Кашалот! А в другой раз...

— Удильщик, здесь не рыболовный клуб, — прервал его Кашалот. — Послушайте лучше, что написано о вас: *«Инициативен»*.

— «...Общителен, — подхватили хором все присутствующие, — вдумчиво работает над собой...»

— *«...Летает абсолютно бесшумно благодаря специальной конструкции крыльев»,* — завершил чтение очередной характеристики Кашалот и в замешательстве уставился в бумагу. — Опять крылья? У рыбы?

— Вот те раз! — Сова сорвалась с места и стала летать перед коапповцами и другими участниками собрания, приговаривая: — Ну, что-нибудь слыхать? То-то же! — Она вернулась на свой сук. — Понял, председатель? О совиных крыльях там прописано! Глушители в них есть особенные. Окромя нас, сов, никто так тихо летать не может! Я ведь перед носом пролечу, только-только не задену — а и не услышишь! Чтой-то напутали в бумажках твоих. Ну-ка, глянь в мою — чего там понаписали?

— *«Инициативна, общитель...»*

— Это мы знаем, — перебила Сова, — ты дальше читай.

Несколько ошалев от всей этой фантасмагории, Кашалот

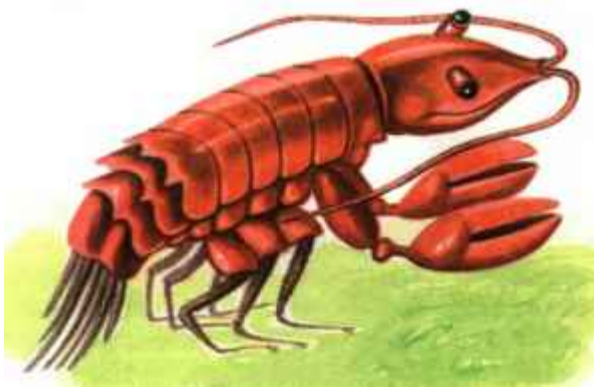
забубнил:

— *«Идеально уравновешена, что позволяет отлично ориентироваться в воде»*. — Председатель потряс головой, перечитал еще раз и заключил: — Бред какой-то... Сова — уравновешена в воде? Ничего не понимаю...

— А чего тут понимать? — проворчал Рак. — Ясное дело — это о моих органах равновесия.

— Разумеется, это явно об органах равновесия Рака! — поддержал его Удильщик. — Для нас, обитателей водной стихии, почти незнакомых с силой тяжести, эти органы особенно важны: ведь без них мы не могли бы определить, где верх, где низ!

— Без верха и низа никакого порядка быть не может! — для пущей убедительности Рак, словно указку, направил один ус вверх, а другой вниз. — На мои органы равновесия Человек давно уже зарится: до чего, говорит, просто устроены и как надежно работают!



Мартышка, которую вся эта путаница очень развеселила, вскарабкалась на председательский пень и заглянула в последнюю из характеристик — похоже, ее, ожегшись на остальных, Кашалот даже и не собирался зачитывать. Прочитав, что в ней было написано, Мартышка расхохоталась и крикнула:

— Знаете, Рак, что сказано в вашей характеристике? Оказывается, вам принадлежит абсолютный мировой рекорд в беге на короткие дистанции — свыше ста двадцати километров в час! Что же вы скрывали от нас такое блистательное достижение? А ну-ка пробегитесь!

Гепард схватил клешню Рака и с преувеличенным восхищением потряс ее, сопроводив словами:

— Я просто счастлив, дорогой коллега! Ведь судя по этой характеристике, в нашем полку чемпионов-спринтеров прибыло. До сих пор я был убежден, что с подобной скоростью способны мчаться только мы, гепарды...

Тем временем Кашалот, который наконец осознал, что все

характеристики перепутаны, собрал злополучные листки и, протянув их птице-Секретарю, распорядился срочно навести порядок в личных делах коапповцев. Мартышка, убежденная, что ее характеристика тоже очень смешная, умоляла дать ей заглянуть туда хоть одним глазком, но председатель вынужден был ее разочаровать:

— На вас, Мартышка, ничего не прислали. На мой запрос компетентные органы ответили, что вы не нуждаетесь ни в каких характеристиках: вас и так все прекрасно знают.

Вновь обратившись затем к аудитории, Кашалот предложил:

— Пожалуйста, высказывайтесь — у кого есть возражения, соображения, предложения по составу КОАППа?

— У меня, — послышался скрипучий голос, и все увидели ползущего по стволу дерева Клопа. Подъем давался ему нелегко, ибо это был Постельный Клоп, привыкший перемещаться по гладким стенам и потолкам, а не по корявой коре. — Сейчас, только заползу повыше... — бормотал он, пыхтя от натуги. — Вот до этого сучка... Надеюсь, теперь всем меня видно и слышно? Так вот, я предлагаю ввести в состав КОАППа меня. Дело в том, что из присутствующих лучше всех, ближе всех знаю людей я. Эти бесцеремонные двуногие существа уже давно заимствуют технические идеи — в основном у нас, у клопов. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить, с одной стороны, устройство слюнной железы Клопа, а с другой — двигатель внутреннего сгорания. Вы обнаружите полнейшее сходство: и здесь, и там цилиндр, поршень, клапаны, только в первом случае они хитиновые, а во втором — металлические.

— Любопытно... — сказал внимательно слушавший Клопа Воробей. Он вспорхнул, уселся на сучок рядом с ним и даже наклонился — очевидно, чтобы лучше слышать.

— О чем же говорит такое сопоставление? Не о том ли, что... — Клоп внезапно умолк.

— Продолжайте, мы вас внимательно слушаем, — подбодрил его Кашалот. — О чем это говорит? Почему вы замолчали?

— Клопа склюнул Воробей, дорогой председатель, — Гепард, сообщивший своему близорукому начальнику эту печальную новость, в знак скорби склонил голову.

— Что-о?! — Кашалот был потрясен... До него доходили слухи, что у людей во время всякого рода собраний, совещаний и даже заседаний высших законодательных органов случается нечто подобное, но чтобы такое произошло на первом в истории Всепланетном Съезде Животных Представителей!

— Воробей, — обратился он наконец к провинившемуся, и голос его не предвещал ничего хорошего. — На каком основании вы проглотили выступающего?!

— Да знаете, как-то машинально, — попытался оправдаться пернатый нарушитель, скривившись от отвращения. — Тьфу, вот гадость! Стоит ли так волноваться из-за какого-то мерзкого Клопа?

Приговор Кашалота был суров, но справедлив:

— Ваш поступок, Воробей, я расцениваю как беспардонное нарушение этических норм, принятых на собраниях животных. Общественность в моем лице осуждает вас и объявляет общественное порицание!

Чтобы избежать повторения впредь подобных ЧП, председатель КОАППа распорядился незамедлительно установить повсюду — на поляне, в окружающем ее лесу и даже в озере — таблички:

«На территории КОАППа и окрестностей кусать и съедать друг друга категорически воспрещается!»

(Заметим, что это понравилось далеко не всем. Раздавались

реплики вроде: «Ну что это за порядки!». Однако запрет на взаимное кусание и глотание соблюдался с тех пор неукоснительно.)

— Итак, — объявил Кашалот, удостоверившись, что работа по изготовлению и установке табличек началась, — Комитет Охраны Авторских Прав Природы сформирован. Напомню его основную задачу: оформить патенты на замечательные устройства, которыми наделила нас Природа, и тем самым защитить их от посягательств Человека!

— А чтобы смысл нашей благородной деятельности дошел до сердца и сознания самых широких масс, — сказала Мартышка, — эту задачу надо сформулировать кратко и доходчиво, а именно — в форме девиза!

— Девиз — это хорошо, — согласился Кашалот.

— Очень тонко замечено, наш прозорливейший из председателей, — подхватил Удильщик. — Ведь у бионики, как вы нам сообщи-ли, есть девиз: «Живые организмы — ключ к новой технике!». Значит, ему необходимо противопоставить наш, коапповский девиз!

— Клин клином, стало быть, — вставила Сова.

— Да-да, — поддержала Стрекоза, — неприятельский девиз можно побить только другим девизом!

— И кажется, я его придумал... — Гепард потеребил лапой ухо и продолжил: — Сегодня мы рассмотрели случаи кражи уха у Тюленя и у Медузы... Точнее, принципов устройства их ушей, верно? Логично, если антибионический девиз КОАППа будет звучать так: «Спасите наши уши!».

Предложенный Гепардом девиз был горячо одобрен всеми его коллегами по КОАППу и делегатами Съезда. Многие отметили при этом как важнейшее его достоинство то, что он созвучен широко известному призыву о помощи терпящих бедствие моряков: «Спасите наши души!».

Но неожиданно выяснилось, что у новорожденной организации есть уже и свой гимн! Этот приятный сюрприз преподнес коапповцам их предусмотрительный председатель: оказалось, он заранее заказал слова и музыку гимна знаменитому, причем не только в птичьих кругах, поэту и композитору Скворцу. Правда, музыка гимна была скомпонована из популярных мелодий других композиторов (у скворцов, как известно, отличный музыкальный слух — на юге они даже залетают иногда в летние театры и подпевают артистам), но Кашалот справедливо полагал, что умело подражать значительно труднее и престижнее, чем сочинять самому.

Он роздал действительным членам и членам-корреспондентам КОАППа текст, напел легко запоминающуюся мелодию, и на Большой Ко-апповской Поляне впервые прозвучал коапповский гимн:

Наш всемогущии Комитет
Оформит каждому патент,

Чтоб защитить приоритет Природы!

Председатель КОАППа дирижировал хвостом. Делегаты Съезда слушали гимн стоя.

Однако коапповцев ждал еще один сюрприз, который поверг всех в легкий шок: из-за дуба, росшего неподалеку от председательского пня, вдруг вышел тот, о ком в течение всего заседания многократно вспоминали, — Человек! (У него, конечно, есть имя и фамилия, но он воспринимался как представитель всего своего вида Гомо сапиенс, то есть Человек разумный, и для присутствовавших был просто Человеком. Поэтому и впредь будем его так называть.)

Последовала «немая сцена» — совсем как в пьесе Николая Васильевича Гоголя «Ревизор», причем Кашалот очень напоминал в этот момент Городничего. А Человек как ни в чем не бывало подошел и вежливо поздоровался. Тут все заметили, что в руке у него корзинка с черникой. Человек поставил ее на секретарский пенек и весело сказал:

— Вот, насобирал. Ходил по ягоды и случайно забрел сюда. Угощайтесь.

Всё это как-то не очень вязалось с нарисованным Кашалотом образом коварного злодея, только и думающего о том, как бы посягнуть на чужую интеллектуальную собственность.

— Вы... э-э... вы только что пришли? — Видно было, что председатель КОАППа несколько смущен.

— Нет, я здесь уже давно, — признался Человек, улыбаясь. — Стоял за деревом и с интересом слушал, как вы изобличали меня и бионику. И гимн слышал. Хороший гимн, — и он пропел: — «Наш всемогущий Комитет оформит каждому патент, чтоб защитить приоритет Природы!». Ну а меня вы от Природы отлучили? Нас, людей, по-вашему, не Природа создала?

На Кашалота жалко было смотреть.

— Ммм... я, то есть мы... вернее, вы... — забормотал он запинаясь.

— Минутку, Кашалот, простите, что перебиваю... Я вижу, и Муха здесь? Отлично! Уважаемая Муха, не будете ли вы так любезны подлететь и сесть мне на руку?

— Нет, вы серьезно? — Муха покружилась над выставленной вперед ладонью Человека и наконец решилась сесть. — Это что-то невероятное, — затараторила она. — Рассказать кому — не поверят! Обычно люди, даже едва прикоснувшись ко мне, сразу же бегут мыть руки... А тут Человек сам приглашает меня

присесть на ладонь!

— Положим, и я потом вымою руки, — засмеялся Человек, — но сначала кое-что покажу высокому собранию. Перед нами, господа, самая обыкновенная Комнатная Муха. Еще недавно о ней упоминали не иначе, как с отвращением. К беспощадной борьбе с ней, переносчицей опаснейших инфекций, призывали плакаты. Но вот инженеры и ученые взглянули на нее сквозь бионические очки и увидели, что это насекомое — настоящий кладезь технических шедевров!

— Не делайте из Мухи Слона, — буркнул Рак.

— Времена переменились, уважаемый Рак, — парировал Человек. — С точки зрения бионики, сравнение с Мухой сделало бы честь любому Слону!

— А-а, так, значит, об этом говорится в знаменитых стихах: «Нынче Муха-Цокотуха именинница»? — догадалась Мартышка.

— Не совсем, хотя о Мухе теперь вполне можно сказать именно так — ведь ныне ей посвящают статьи, монографии и даже специальные научные конференции. И оснований для этого хоть отбавляй! Взгляните-ка на ее спинку.

Те, кто был поближе, пригляделись и увидели позади крыльев два маленьких придатка, словно Муха решила отрастить еще одну пару крыльев, а потом раздумала. Так, во всяком случае, показалось Стрекозе.

— Это что, зачатки еще одной пары крыльев? — спросила она.

— Ничего подобного! — откликнулась Муха, и в ее голосе прозвучала гордость. — Я отлично обхожусь одной парой. А эти придатки — жужжальца, замечательный навигационный прибор! Во время полета он помогает мне не терять ориентации даже при самых резких поворотах — на крутых виражах, как говорят летчики. У них, кстати, такого чудесного прибора и в помине нет!

— Теперь уже есть, — возразил Человек. — Инженеры разработали аналогичный прибор для самолетов — гиротрон. Но во всех наших статьях и книгах подчеркивается, что он действует по принципу жужжальцев Мухи и других двукрылых насекомых.

Как видите, при всем могуществе нашей науки и техники мы не считаем зазорным учиться у животных, да и у растений тоже, даже у микробов. Но если мы заимствуем идею того или иного вашего устройства, то всегда с благодарностью упоминаем имя, так сказать, истинного автора. Чаще всего оно прямо указано в названии прибора, аппарата, машины: «Электронная модель глаза Лягушки»; «Токарный самозатачивающийся резец по принципу зубов грызуна»; « Искусственное ухо Медузы »...

— Ухо Медузы? — переспросила Мартышка. — Так прямо и указываете? А мы-то думали...

— Но почему мы так думали? — заторопился, оправдываясь, Удильщик. — Только потому, что так говорил Кашалот, — разве могли мы не верить нашему мудрейшему и правдивейшему из председателей?

— А председателя, очевидно, ввели в заблуждение советники из его администрации, — Гепард незаметно подмигнул Кашалоту, давая понять, что коапповцы сделают всё, чтобы выгородить своего шефа и позволить ему с честью выйти из щекотливой ситуации.

— Гнать бы их взашей, таких советников! — Сова даже показала, как бы она это сделала, энергично махнув несколько раз крылом. — А то заладили: «Украли ухо, украли ухо...». Напраслину, стало быть, на людей возвели, а наш-то и поверил, болезный. Он завсегда всем верит, ровно дите малое...

— Ив результате появился Комитет Охраны Авторских Прав Природы — охраны от меня. — Человек насмешливо взглянул на Кашалота. — Не так ли, господин председатель?

Кашалот вздохнул.

— Вечная история, — сказал он упавшим голосом. — Хотели как лучше, а получилось как всегда... Столько сил вложено в КОАПП — мое, можно сказать, любимое детище, а теперь придется его распустить...

— Ни в коем случае! — вскричал Человек и даже протестующе замахал руками. — Его обязательно надо оставить! И пожалуйста, примите меня в его члены. Мы будем встречаться и сообща знакомиться с удивительными приспособлениями, которыми наделила нас Природа, а также думать, как применить их в науке и технике.

Гепард сделал знак Кашалоту, чтобы тот наклонился, и вполголоса проговорил:

— Нам крупно повезло — в КОАППе будет собственный Человек! Ведь даже младенцу понятно, что всегда и повсюду полезно иметь своего Человека.

— Вы абсолютно правы, я тоже об этом подумал, — прошептал Кашалот и, повернувшись к Человеку, громко и торжественно провозгласил: — Будем считать, что мы договорились! Первый Всепланетный Съезд Животных Представителей объявляю закрытым.

— Подождите, подождите, — спохватилась Мартышка. — А как же наш гимн? В свете открывшихся новых обстоятельств он не должен оставаться таким суровым! Я уже подобрала другой мотивчик, повеселее, и слегка подправила текст — вот новый вариант, посмотрите. Только дирижировать этим вариантом гимна буду я. Ваш уважаемый хвост, дорогой Каша-лот, не сможет двигаться в нужном темпе. Внимание, поём!

И вслед за Мартышкой, быстренько познакомившей коллег с новым «мотивчиком», все коапповцы, включая и Человека, запели:

Наш веселый Комитет
Выдаст каждому патент,
Защитив приоритет
Природы!

— Коллеги, — неожиданно подал голос Удильщик, — мне кажется, нам не следует ограничивать свою деятельность такой узкой сферой! Я убежден: патенты патентами, однако мы не вправе уклоняться от не менее важной миссии — всемерно облегчать жизнь обитателям морей, лесов, гор, полей и рек, заботиться об их здоровье, быте, образовании, безопасности, жилищных условиях, культурном досуге...

— Да-да, это наш святой долг! — поддержала его Стрекоза.

— И мы его выполним! — с пафосом воскликнул Кашалот. — Причем решим все эти насущные житейские проблемы — я в этом ни минуты не сомневаюсь — быстрее и успешнее, чем решают их власти предержащие у людей!

— А главное, — подхватил Гепард, — на столь обширном

многоплановом поприще у вас будет уникальная возможность полностью утолить свою страсть к красноречию и проявить свой организаторский пыл.

— Я мечтаю об этом с детства, — признался Кашалот.

Птица-Секретарь, обычно невозмутимая и бесстрастная, на этот раз прокричала «КОАПП! КОАПП!» с явным одобрительным оттенком, тем самым как бы поставив точку в событиях исторического дня.

Майлен Константиновский

КОАПП!

Спасите наши уши!

Совершенно секретно!
Объявляется первый всепланетный сбор животных на Большой Поляне!
Произошло чрезвычайное происшествие!..
Какое? Читайте и узнаете!

Стрекоза-Пресс

ISBN 5-479-00228-7